

Вопросы теории и истории государства и права

Научная специальность

12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»

УДК 342.4

«ПОЛОЖЕНИЕ О ВРЕМЕННОМ УСТРОЙСТВЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ» ОТ 18 НОЯБРЯ 1918 ГОДА КАК ЧАСТЬ НЕПИСАНОЙ КОНСТИТУЦИИ БЕЛОЙ РОССИИ

© **Зайнутдинов Д. Р., 2020**

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП), г. Казань, Россия

Анализируется «Положение о временном устройстве государственной власти» от 18 ноября 1918 г. как важная часть неписаной конституции белой России 1919 г. В процессе исследования обращено внимание на природу неписаной конституции, проведен сравнительный анализ становления неписаного конституционализма в Великобритании и белой России. Установлен перечень актов, которые сыграли важную роль в наполнении неписаной конституции белой государственности. Основной частью работы является анализ положений «Конституции 18 ноября 1918 г.» и перспективы развития на ее основе формы правления в постбольшевистской России. Также выявлено тяготение антибольшевистских либерально-демократических кругов к образованию президентской республики. Сделаны выводы о том, что различные нормативные высшей юридической силы и декларативно-учредительные акты конституционного характера в совокупности создали правовой каркас неписаной конституции белой России. Установлено, что «Положение о временном устройстве государственной власти» от 18 ноября 1918 г. ликвидировало пробел неписаной конституции белой России в отношении образа высшего органа исполнительной власти, закрепив этот статус за Российским правительством, состоящим из Верховного правителя России и Совета министров.

Ключевые слова: неписаная конституция, конституционализм, белая Россия, президентская республика.

В процессе эволюции белых государственных образований и объединения их в белую Россию в 1919 г., параллельно шел процесс накопления и совершенствования нормативно-правовой базы, очерчивающей общий облик белой правовой модели. Ядром этой базы выступали различные нормативные и декларативно-учредительные акты конституционного характера. Важнейшими из них являлись:

– проект конституции генерала Л. Г. Корнилова («Конституция Корнилова»), конец января 1918 г. [2, с. 181–182],

– «Временное положение об управлении местностями, занимаемыми Добровольческой армией» от 4 октября 1918 г.¹,

– «Положение о временном устройстве государственной власти в России» от 18 ноября 1918 года [10, с. 11–12],

– «Временное положение о гражданском управлении в местностях, находящихся под

верховным управлением Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России» от 6 марта 1919 г.²,

– Грамота Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака «О созыве Государственного земского совещания» от 16 сентября 1919 г.³,

– «Положение о профессиональных союзах» от 23 октября 1919 г.⁴,

– Декларация А. И. Деникина по рабочему вопросу от 24 ноября 1919 г.⁵

– и другие декларативно-учредительные акты, имевшие основополагающий характер.

Некоторые исследователи также указывают, что ряд юридических документов белых

¹ «Временное положение об управлении местностями, занимаемыми Добровольческой армией» от 4 октября 1918 года // Государственный архив Российской Федерации. Фонд Р439. Оп. 1. Д. 32. Л. 2.

² «Временное положение о гражданском управлении в местностях, находящихся под верховным управлением Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России» от 6 марта 1919 года // ГА РФ. Ф. Р439. Оп. 1. Д. 59. Л. 9–16.

³ Грамота Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака «О созыве Государственного земского совещания» от 16 сентября 1919 года // ГА РФ. Ф. Р176. Оп. 4. Д. 7. Л. 42.

⁴ «Положение о профессиональных союзах» от 23 октября 1919 года // ГА РФ. Ф. Р439. Оп. 1. Д. 44. Л. 153.

⁵ Декларация А.И. Деникина по рабочему вопросу от 24 ноября 1919 года // ГА РФ. Ф. Р439. Оп. 1. Д. 46. Л. 20–20а.

режимов имел характер основного закона, или конституции. Например, Е. А. Богославский и В. В. Кулаков считают, что к их числу можно отнести «Временное положение об управлении местностями, занимаемыми Добровольческой армией» [5, с. 48–52]. С этим заключением, безусловно, следует согласиться с поправкой на то, что данный юридический документ дополнил конституционную базу белой системы права, став ее частью. Принимаемые белыми государственными образованиями разные декларативно-учредительные акты, наделенные высшей юридической силой, хотя и получали в обществе название «конституций», тем не менее, по факту таковыми не являлись. Применение к ним понятия «конституция» всегда было условным. Однако на данную проблему следует смотреть под другим углом – всеохватывающим, общим, т. е. в аспекте единой белой России. Тогда из этого подхода можно вывести, что белая Россия периода ноября 1918 г. – декабря 1919 г. как объединение белых государственных образований имела специфичную конституцию. Эта специфика заключалась в том, что комплекс вышеуказанных нормативных и декларативно-учредительных актов, в своей совокупности, для белой России выступал в качестве неписаной конституции.

Понятие «неписаная конституция» – это «научное обозначение конституции, которая включает много неписаных конституционных обычаев, регулирующих важные вопросы государственности, прав граждан и др. (а также включает отдельные писанные законы, судебные прецеденты и др.), не объединенных в единый, консолидированный акт. Неписаными считаются конституции Великобритании и Новой Зеландии» [20, с. 616]. Наибольший интерес здесь представляет конституционное развитие Великобритании, которое началось намного раньше, чем в других странах. Документальный старт накоплению конституционных актов дала «Великая хартия вольностей» (15–19 июня 1215 г.). Однако само понимание необходимости создания для государства нормативно-правовой базы высшей юридической силы уже было сформировано в сознании интеллектуальных слоев британского общества. Другими словами, мысль опережала форму. Поэтому следует указать на очень важное отличие конституции писаной от неписаной. В частности, писаная конституция создается для учреждения той или иной формы государства, органов государственной власти, правовой модели, правового положения личности и прочих атрибутов правового состояния государства. В то же время юридические акты, составляющие неписаную конституцию, по

сути, не являются полноценными учредительными документами. Такие юридические акты лишь закрепляют на конституционном уровне уже сформировавшийся правопорядок, отражают правовую реальность. Подобная ситуация в полной мере объясняется тем, что английская система не отличает учредительной власти от законодательной [19, с. 337]. Также неписанный характер конституции обусловлен и прецедентным правом, являющимся стержнем англо-американской правовой системы. Поэтому верно отмечает И. Ю. Богдановская, что «прецедентное право оказало значительное влияние на содержание и характер конституционных норм, порядок их применения» и «своеобразная форма английской конституции в значительной степени была предопределена доминирующей ролью неписаного права» [4, с. 80–81]. В целом весьма сложно перечислить акты конституционного характера, составляющие неписаную конституцию Великобритании, так как к таковым относятся:

- 1) правовые акты, принятые до XX в., но сохраняющие свое значение как действующее право;
- 2) парламентские законы, принятые в XX–XXI столетиях;
- 3) акты делегированного законодательства [13, с. 497].

Неписаная конституция Великобритании – это целый конституционный массив. Все это дает представление о неписаной конституции, как о весьма гибком документе высшей юридической силы. В этом отношении Н. С. Крылова писала, что «сам факт отсутствия конституции как документа придает понятию конституции некоторую неопределенность, двусмысленность. Здесь размываются точные критерии оценки понятия конституции, отсутствует возможность определения границ конституции» [7, с. 82]. Отнесение тех или иных нормативных правовых документов к актам конституционного значения можно установить, обращаясь исключительно к предмету конституционного регулирования – форме государства; системе, порядку формирования и компетенции высших органов власти; правовому статусу личности.

Изложенное позволяет закрепить понятие «неписаная конституция» за совокупностью вышеперечисленных декларативно-учредительных актов белой России. Данные документы определяли составные элементы белой государственности и ее правовой модели, а также устанавливали весьма специфичный путь конституционного развития.

Важным этапом в развитии неписаной конституции белой России стало принятие 18 янва-

ря 1918 г. «Положения о временном устройстве государственной власти в России», получившее название «Конституция 18 ноября 1918 г.». Совершенно верно отмечает В. Ж. Цветков, что «несмотря на краткость, это, пожалуй, редкий пример правового акта, в котором юридическая казуистика играла важную роль, где практически каждое слово и термин заключали существенный смысл» [17, с. 30]. «Конституция 18 ноября 1918 г.», в отличие от «Конституции Корнилова», являлась реально действующим высшим нормативным правовым актом для белой России периода ноября 1918 – декабря 1919 г. Данный юридический документ не содержит закрепления прав и свобод человека и гражданина, норм о правовом статусе, социальных гарантиях, форме государства и прочих неотъемлемых элементах любой писаной конституции. В данном отношении А. Н. Никитин пишет: «На Востоке России не были законодательно закреплены конституционные права граждан. А. В. Колчак не восстановил действие тех статей Основных государственных законов Российской империи в редакции 23 апреля 1906 г., в которых были закреплены права и обязанности российских подданных, хотя дореволюционное законодательство широко применялось в белой России» [15, с. 411]. Тем не менее, отсутствие закрепления правового статуса личности в «Конституции 18 ноября 1918 г.» можно в полной мере объяснить тем, что она являлась всего лишь составной частью неписаной конституции белой России, хотя по своей природе была крайне важна. Колчаковский режим не отклонялся от тех норм, которые были закреплены еще в «Конституции Корнилова»: незыблемости права собственности, недопустимости незаконного продолжения «черного передела», признания трудовых и социальных прав, незнакомых ранее правовой системе дореволюционной России и дарованных Февральской революцией 1917 г. «Конституция 18 ноября 1918 г.» не повторяла все те общепризнанные права и свободы, которые признавались и неоднократно гарантировались в целом ряде нормативных правовых актов белых государственных образований. «Конституция 18 ноября 1918 г.» также не касалась и формы государства, что вполне естественно, так как позиция непредрешения оставалась нерушимой: за основу формы правления был взят институт народного представительства, будь то республика или конституционная монархия; политический режим базировался исключительно на либерально-демократической идеологии, сдерживаемый рамками военного времени; в качестве территориального устройства предлагалась унитарная децентрализованная форма

с постепенной эволюцией в сторону регионального (регионалистского) государства. Таким образом, «Конституция 18 ноября 1918 г.», как и последующие нормативные правовые акты конституционного характера (например, Грамота Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака «О созыве Государственного земского совещания» от 16 сентября 1919 г.), лишь дополняла неписаную конституцию белой России в отношении системы, порядка формирования и компетенции высших органов государственной власти. В целом же «Конституция 18 ноября 1918 г.» придала новую динамику развития белой правовой модели, так как определила полномочия высшего исполнительного органа государственной власти.

Не следует забывать, что белая государственность была основана благодаря последователям Февральской революции 1917 г., базировалась на идеях либеральной демократии и консервативного (классического) либерализма, использовала практически всю нормативно-правовую базу Временного правительства. Так, «в конце сентября – начале октября 1917 г. Юридическим совещанием при Временном правительстве разработаны проекты конституционных законов, в том числе проект нормативного акта “Об организации Исполнительной власти при Учредительном собрании”. Главой государства должен был стать Президент» [6, с. 87]. Подобные проекты в полном объеме учитывались правоведами и политиками при конструировании и организации белой власти. Выделим и еще один момент. «Кадетские юристы были авторами Основных законов колчаковского режима (т. н. конституция 18 ноября). Восточный отдел ЦК партии кадетов превратился по существу в один из совещательных органов при адмирале. Многие партийные деятели работали в правительственном аппарате, занимая влиятельные посты» [18, с. 681]. В свою очередь, среди представителей партии кадетов были сторонники английского и американского конституционализма. Кадеты, как и иные либерал-демократы, это, прежде всего, последователи февральского государственного и правового пути развития. В отличие от представителей правосоциалистического антибольшевистского лагеря, которые на первое место ставили народное представительство, либералы отличались тем, что они придерживались концепции о сильной исполнительной власти. «Задачей Временного правительства было закрепление сильной исполнительной власти. Конституция, которую Юридическое совещание хотело предложить Учредительному собранию, была призвана закрепить в России государственный строй в

форме «единой и нераздельной» унитарной республики с сильной президентской властью, обеспечивающей своим гражданам основные права и свободы» [11, с. 160]. В период Гражданской войны П. Г. Виноградов, будучи сторонником классического британского либерализма, также высказывался о необходимости поддержки любой сильной исполнительной власти, тем самым оправдывая государственный переворот 18 ноября 1918 г. и признавая полезным установившийся колчаковский режим [8, с. 443, 444]. Это, в свою очередь, свидетельствует о желании определенных кругов образовать в России президентскую (И. И. Сукин, П. В. Вологодский) или даже суперпрезидентскую республику (К. Н. Соколов, В. А. Жардецкий). Один из идеологов колчаковского режима в пропагандистской брошюре писал: «Нужна была твердая воля, горячая любовь к родине, единый ум, который собрал бы вместе разрозненные силы русских людей на борьбу с большевиками, спас бы Россию, стоящую на краю гибели» [12, с. 4]. В таком случае наилучшим примером сильной исполнительной власти мог выступить только американский конституционный строй. В данном отношении А. А. Алексеев указывал: «Американский президент, сосредоточивая в своих руках исполнительную власть, осуществляет ее от имени народа, выражает его волю, короче говоря – является таким же народным представителем, как и члены законодательных палат. Конституция стремится поставить как его, так и конгресс в совершенно самостоятельное и независимое друг от друга положение, обеспечить за каждым из них свободу от давлений со стороны другого» [1, с. 315]. Правоведы либеральной демократии стремились апробировать на территории белой России лучшие научно-теоретические концепции дореволюционного и послефевральского периода, одной из которых являлась президентская республика. Аналогичную точку зрения выдвигает и А. Н. Никитин, указывая, что в проектах строителей будущей России вполне просматривалось намерение использовать опыт США с установлением сильной президентской республики [15, с. 24–25].

По «Конституции 18 ноября 1918 г.» Верховный правитель обладал характерными для главы государства полномочиями. Так, согласно ст. 2 Верховный правитель являлся верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами Российского государства. В соответствии с ч. 2 ст. 3 Верховному правителю принадлежало право принятия чрезвычайных мер «для водворения гражданского порядка и законности». В совокупности это формировало конституционную концепцию исполнительной власти.

«Содержание концепции составляли следующие идеи: ограниченный Советом Министров временный и выборный глава исполнительной власти, являющийся также и Верховным главнокомандующим, организует взаимодействие военных властей и гражданской администрации, обеспечивает верховенство последней, и главное – законность в управлении» [15, с. 318]. Особого внимания заслуживает ст. 2 «Конституции 18 ноября 1918 г.», в которой указывалось, что «власть управления во всем ее объеме принадлежит Верховному правителю». В данном положении говорится о власти в сфере управления (администрирования), т. е. власти исполнительной. Так, Верховный правитель замыкал всю высшую исполнительную власть на себе. Следовательно, содержание данной нормы дает право утверждать, что Верховный правитель фактически по статусу приравнивался к главе государства (президенту) в президентской республике. Белых правоведов и политиков прельщало то, что в президентской республике ветви власти разграничиваются более четко, чем в президентско-парламентской.

«Конституция 18 ноября 1918 г.» – это, прежде всего, документ, регулирующий взаимоотношения внутри Российского правительства как высшего органа исполнительной власти (между Верховным правителем и Советом министров), а также устанавливающий его компетенцию. В то же время «Конституцию 18 ноября 1918 г.» нельзя считать и законом о Российском правительстве. «Характерно, что в “Положении о временном устройстве государственной власти в России” отсутствуют понятия “Российское правительство”, “председатель Российского правительства” или “глава Российского правительства”. Отсутствие указанных понятий объясняется, прежде всего, тем, что “Положение...” хотя и содержало нормы, регулировавшие организацию и деятельность правительства, но оно не являлось законом о нем. Как известно, “Конституция” закрепила статус Верховного правителя и должна была урегулировать его отношения с Советом министров. Однако закон о правительстве принят не был» [15, с. 144–145]. Таким образом, в «Конституцию 18 ноября 1918 г.» была заложена такая конституционная концепция, согласно которой Российское правительство есть Верховный правитель и Совет министров (отраслевое деление которого не определено), при этом первому подчинено второе. В этом просматривалось явное сходство с американской конституционной моделью (с учетом отсутствия писаной конституции), в которой исполнительная власть предоставлена президенту в личном качестве. В Конституции ничего не

говорится о каком-либо коллегиальном правительстве или хотя бы о структуре органов исполнительной власти. Президент независим, он не подотчетен Конгрессу, неподконтролен ему и несет ответственность только перед народом, от которого он получил свой мандат» [13, с. 464]. Однако в процессе реализации данной конституционной концепции произошла деформация, вызванная стремлением Совета министров ограничить нормотворчество (указное право) Верховного правителя, чтобы подчеркнуть свою ключевую роль. Эта деформация выразилась в создании Верховным правителем особого Совета, или, как указывает С. П. Мельгунов, – «Звездной палаты» [14, с. 243]. Иначе говоря, произошел увод части исполнительной власти в иной, неофициальный орган. «Политика стала сосредотачиваться в руках как бы уменьшенного Совета министров – в “Совете” Верховного правителя, в который входили главнейшие министры. Этот Совет собирался три раза в неделю и должен был служить связью между Верховным правителем и Советом министров» [14, с. 243]. Проводя анализ «Конституции 18 ноября 1918 г.», А. Н. Никитин приходит к следующему выводу: «Статья четвертая “Конституции” указывает на то, что законодательная власть разделена между Верховным правителем и Советом Министров – ни один законопроект не мог иметь силу закона без одобрения Советом министров. Текст “Конституции” не оставляет сомнений в том, что Совет министров – законодательный, а не законосовещательный орган» [15, с. 110]. Однако в этом отношении нельзя согласиться с А. Н. Никитиным, так как Совет министров не отправлял законодательных полномочий, а реализовывал право делегированного правотворчества, что существенно меняет представление о нормообразовании в белой правовой модели. Делегированное правотворчество в теории права является прерогативой высшего органа исполнительной власти, т. е. правительства. Следовательно, реализация права на делегированное правотворчество должна была быть неразрывно связана с Российским правительством как таковым, она не являлась исключительной прерогативой Совета министров. Здесь следует обратиться к заключению И. Ю. Богдановской, которая пишет следующее: «Английская и американская правовая мысль признают такой признак делегированного законодательства, как распространение на неопределенный круг лиц или на конкретных адресатов. Если акт имеет законодательный характер, но применяется только к ограниченному кругу лиц, он не считается законодательным. Такой подход значительно приближает правовую мысль стран

общего права к континентальной. Однако правовая доктрина также находит данный признак слишком неопределенным. Практически подобное разделение провести затруднительно. Ряд делегированных актов издается, как правило, в развитие положений соответствующих статутов. Они детализируют и конкретизируют его содержание, но по характеру граничат не столько со статутом, сколько с актами применения, настолько расплывчаты границы между законодательными и исполнительными актами. Если реализация статута требует принятия соответствующих актов исполнительных органов, то в таком случае речь не идет о делегировании законодательства» [3, с. 39]. В свою очередь, стремясь ограничить нормотворчество Верховного правителя, а именно – не допустить сильной активизации указного права, Совет министров не смог провести главную идею конституционной концепции о том, что делегированное правотворчество есть бремя Российского правительства как единого целого.

Юридически статус Верховного правителя, как было указано выше, близок к статусу президента в президентской республике. Не исключено, что в последующем конституционном развитии белой России Верховный правитель, скорее всего, приобрел бы роль главы всей системы исполнительной власти. Однако в период Гражданской войны Верховный правитель не обладал в реальности всей полнотой исполнительной власти. Проблема статуса Верховного правителя и Совета министров крайне важна в том аспекте, что в белой России существовали определенные тенденции по необходимости заимствования для российской государственности и правовой системы некоторых элементов американской конституционной модели. В этом отношении А. Н. Никитин приводит весьма интересный сценарий развития России и мировой истории в случае победы противобольшевистского движения в Гражданской войне: «Велика вероятность того, что в России утвердилась бы президентская республика с элементами диктатуры. Первым президентом стал бы человек, обеспечивший победу над большевизмом, – А. В. Колчак, со всеми вытекающими из этого последствиями» [15, с. 413]. Тяготение белых политиков к сильной исполнительной власти автоматически направляло их к американской конституционной модели. Это неоднократно находило отражение в проектах конституционного развития постбольшевистской России. И наиболее интересным в данном отношении выступал проект конституции Карела Крамар-

жа, по которой предусматривалось образование президентской республики в России¹.

Таким образом, заявления советских историков о монархическом облике белого режима на Востоке России в реальности расходились с практикой его воплощения. Те белые правоведы, для которых идеалом служил конституционный строй Великобритании, так и не приблизились к его образу-модели органов исполнительной власти. «Англичане разрешили вопрос об ответственности исполнительной власти именно тем, что перенесли ее с короля на министров. ... Они сделали министров ответственными пред судом и пред Палатами Парламента. Пред судом они ответственны за свои незаконные действия, а пред Палатами – не только за эти последние, но также за свои просто ошибочные и вредные для нации действия» [19, с. 67]. В этом отношении власть белого диктатора вообще не подлежит сравнению с властью английского монарха. Сделать из Верховного правителя А. В. Колчака фигуру чисто номинальную, с нуллифицированными полномочиями у белых либерал-демократов не получилось. Главной причиной неспособности олицетворения в белой государственности британской модели исполнительной власти (министерской системы) являлось отсутствие высшего представительного (законодательного) органа государственной власти. «Английская конституция отмечена даже более резкими особенностями, чем принято думать, и ...эти особенности, выражаясь вкратце, заключаются в соединении парламентского верховенства с господством права» [9, с. 317]. В Великобритании «значение конституции как источника государственной власти было сведено к минимуму, решающая роль была отведена законодательным актам, принимаемым парламентом, поскольку независимость его деятельности была обусловлена поддержкой большинства населения» [16, с. 46]. Только парламент мог вживить в неписаную конституцию белой России британскую модель исполнительной власти, тем самым сделав ее неотъемлемой частью всей правовой модели. Поэтому неписаная конституция белой России, хотя и формировалась как совокупность конституционных актов, а не как единый документ, в то же время следовала по пути американской конституционной модели, в которой глава государства обладает реально сильной властью.

Подводя итог, следует отметить, что, с одной стороны, «Конституция 18 ноября 1918 г.» являлась конституционным актом, учредившим одну из ветвей высших органов государ-

ственной власти, – исполнительную власть, что являлось несомненно большим шагом вперед для белой государственности, так как до этого момента подобные органы позиционировали себя как органы временного управления с совещательным характером (пример белого Юга России). В общем образе неписанной конституции белой России «Конституция 18 ноября 1918 г.» представляется специфической главой, посвященной высшей исполнительной власти российского государства. С другой, «Конституция 18 ноября 1918 г.» по большому счету не была самостоятельным конституционным актом, составляющим неписаную конституцию белой России, т. е. полноценным основным законом, а являлась составной частью массива декларативно-учредительных актов конституционного характера. В частности, если в «Конституции Корнилова» как основополагающем конституционном акте система высших органов государственной власти не была описана и структурирована, то «Конституция 18 ноября 1918 г.» частично ликвидировала этот пробел. Она представила модель высшего органа исполнительной власти – Российское правительство, состоящее из Верховного правителя России и Совета министров. ■

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А. А. Министерская власть в конституционном государстве. Харьков : Типография и литография М. Зильберберг и С-вья, 1910. 309 с.
2. Белый архив. Т. 2–3. Париж, 1928. С. 181–182.
3. Богдановская И. Ю. Делегированные акты как вторичный источник права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 3. С. 36–48.
4. Богдановская И. Ю. Классификация конституций стран «общего права» // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 1. С. 80–90.
5. Богославский Е. А., Кулаков В. В. Структура государственного устройства Юга России в 1918–1920 гг. // История государства и права. 2013. №16. С. 48–52.
6. Бредихин А. Л. Суверенитет как политико-правовой феномен: монография. М.: ИНФРА-М, 2014. 128 с.
7. Буржуазная конституция на современном этапе: Основные тенденции / Р. Х. Вильданов [и др.] ; отв. ред. В. А. Туманов; Академия наук СССР. Институт государства и права. М. : Наука, 1983. 216 с.
8. Виноградов П. Г. Россия на распутье: историко-публицистические статьи / сост., предисл., коммент. А. В. Антощенко; перевод с англ. А. В. Антощенко. А. В. Голубева ; пер. с норв. О.Н. Санниковой. М. : Издат. дом «Территория будущего», 2008. С. 417–419.
9. Дайси А. В. Основы государственного права Англии / пер. с 3-го англ. изд. О. В. Полторацкой ; под ред. П. Г. Виноградова, проф. Моск. ун-та. СПб. : Л. Ф. Пантелеев, 1891. VIII, VIII, 370 с.
10. Зензинов В. М. Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 года. Сборник документов. Париж, 1919. 107 с.
11. Искевич И. С. Правотворческая деятельность и конституционные проекты Временного правительства : дис. ... канд. юр. наук: 12.00.01. М., 2005. 179 с.

¹ Конституция Российского государства (проект Карела Крамаржа) // ГА РФ. Ф. Р115. Оп. 1. Д. 60. Л. 1–5об.

12. Кипарисов В. Верховный правитель адмирал А.В. Колчак. Омск : Изд. Литер.-худ. отд. Освед. канц. Штаба 3-й Армии, 1919. 37 с.

13. Конституционное право зарубежных стран : учеб. для вузов / под общ. ред. М. В. Баглая, Ю.И. Лейбо, Л. М. Энтина. 2-е изд., перераб. М. : Норма, 2005. 1056 с.

14. Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. В 2 кн. Кн. 2, ч. 3. М. : Айрис-пресс, Лагуна-Арт, 2005. 496 с.

15. Никитин А. Н. Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение. М. : Право и закон, 2004. 448 с.

16. Степаненко Т. В. Российский конституционализм: теоретические, правовые и идеологические основы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. М., 2012. 203 с.

17. Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2009. 635 с.

18. Шелохаев В. В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М. : Политическая энциклопедия, 2015. 863 с.

19. Эсмен Адемар. Общие основания конституционного права: пер. с фр. / под ред. В.Ф. Дерюжинского (первое издание 1898 года). Изд. 2-е. М. : ЛЕНАНД, 2017. 368 с.

20. Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б. Н. Топорнин. М. : Юрист, 2001. 1272 с.

REFERENCES

1. Alekseev A.A. *Ministerskaya vlast v konstitucionnom gosudarstve*. Xarkov, Tipografiya i litografiya Moscow, Zilberberg i S-v'ya, 1910. 309 p. (in Russian)
2. *Belyj arxiv*. Vol. 2-3. Parizh, 1928, pp. 181-182. (in Russian)
3. Bogdanovskaya I.Yu. Delegirovannyye akty kak vtorichny j istochnik prava. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki*, 2013, no. 3, pp. 36-48. (in Russian)
4. Bogdanovskaya I.Yu. Klassifikaciya konstitucij stran "obshhego prava". *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki*, 2012, no. 1, pp. 80-90. (in Russian)
5. Bogoslavskij E.A., Kulakov V.V. Struktura gosudarstvennogo ustrojstva Yuga Rossii v 1918-1920 gg. *Istoriya gosudarstva i prava*, 2013, no. 16, pp. 48-52. (in Russian)
6. Bredixin A.L. *Suverenitet kak politiko-pravovoj fenomen: monografiya*. Moscow, INFRA-M Publ., 2014, 128 p. (in Russian)
7. Vil'danov R.X., Egorov S.A., Laficzkiy V.I. et al. *Burzhuaznaya konstituciya na sovremennom etape: Osnovny'e tendencii*. Ed. by V.A. Tumanov, Akademiya nauk SSSR. Institut gosudarstva i prava. Moscow, Nauka Publ., 1983, 216 p. (in Russian)
8. Vinogradov P.G. *Rossiya na rasputie: istoriko-publicisticheskie statii*. Sost., predisl., komment. Antoshhenko A.V.; transl. Antoshhenko A.V., Golubeva A.V.; perevod s norv. O.N. Sannikovej. Moscow, Territoriya budushhego Publ., 2008, pp. 417-419. (in Russian)
9. Dajsi A.V. *Osnovy gosudarstvennogo prava Anglii*. *Transl.* of 3ed publ. O.V. Poltoraczkoj ed. Vinogradova P.G., Sain Petersburg, L.F. Panteleev Publ., 1891, 370 p. (in Russian)
10. Zenzinov V.M. *Gosudarstvennyj perevorot admirala Kolchaka v Omske 18 noyabrya 1918 goda. Sbornik dokumentov*. Parizh, 1919, 107 p. (in Russian)
11. Iskevich I.S. *Pravotvorcheskaya deyatel'nost' i konstitucionny'e proekty' Vremennogo pravitel'stva*. *Diss. sci.* Moscow, 2005, 179 p. (in Russian)

12. Kiparisov V. *Verhovny'j pravitel' admiral A.V. Kolchak*. Omsk, Liter.-xud. otd. Osved. kancz. Shtaba 3-j Armii Publ., 1919, 37 p. (in Russian)

13. *Konstitucionnoe pravo zarubezhny'x stran: uchebnyk dlya vuzov*. Eds. Baglai M.V., Entin L.M. 2nd ed. Moscow, Norma Publ., 2005, 1056 p. (in Russian)

14. Melgunov S.P. *Tragediya admirala Kolchaka*. In 2 books. Book 2, part 3. Moscow, Ajris-press, Laguna-Art Publ., 2005, 496 p. (in Russian)

15. Nikitin A.N. *Gosudarstvennost' "beloj" Rossii: stanovlenie, e'voljuciya, krushenie*. Moscow, Pravo i zakon Publ., 2004, 448 p. (in Russian)

16. Stepanenko T.V. *Rossijskij konstitucionalizm: teoreticheskie, pravovy'e i ideologicheskie osnovy*. *Dis. sci.* Moscow, 2012, 203 p. (in Russian)

17. Czvetkov V.Zh. *Beloe delo v Rossii. 1919 g. (formirovanie i e'voljuciya politicheskix struktur Belogo dvizheniya v Rossii)*. Moscow, 2009. 635 p. (in Russian)

18. Sheloxaev V.V. *Konstitucionno-demokraticeskaya partiya v Rossii i e'migracii*. Moscow, Politicheskaya enciklopediya Publ., 2015, 863 p. (in Russian)

19. Esmen Ademar. *Obshhie osnovaniya konstitucionnogo prava*. Ed. V.F. Deryuzhinskii (publ. 1898). Izd. 2-e. Moscow, Lenand Publ., 2017, 368 p. (in Russian)

20. *Yuridicheskaya enciklopediya*. Ed. by Topornin B.N. Moscow, Yurist Publ., 2001. 1272 p. (in Russian)

"Regulation on the Temporary Arrangement of State Power" of November 18, 1918 as Part of the Unwritten Constitution of White Russia

© Zajnutdinov D. R., 2020

The "Regulation on the temporary arrangement of state power" of November 18, 1918, as an important part of the unwritten constitution of the "white" Russia of 1919, is analyzed. In the process of research, attention is drawn to the nature of the unwritten constitution, a comparative analysis of the formation of unwritten constitutionalism in the UK and "white" Russia is carried out. The list of acts that played an important role in filling the unwritten constitution of the "white" statehood is established. The main part of the work is an analysis of the provisions of the "Constitution of November 18, 1918" and the prospect of developing a form of government on its basis in post-bolshevik Russia. The tendency of anti-Bolshevik liberal-democratic circles to form a presidential republic was also revealed. Conclusions are drawn that various normative higher legal force and declarative-constituent acts of a constitutional nature together created the legal framework of an unwritten constitution of "white" Russia. In turn, the adopted "Regulation on the temporary arrangement of state power" of November 18, 1918, filled the gap in the unwritten constitution of "white" Russia, regarding the image of the highest executive body, namely, securing this status for the Russian government, consisting of the Supreme Ruler of Russia and the Council ministers.

Keywords: unwritten constitution constitutionalism, "white" Russia, presidential republic.